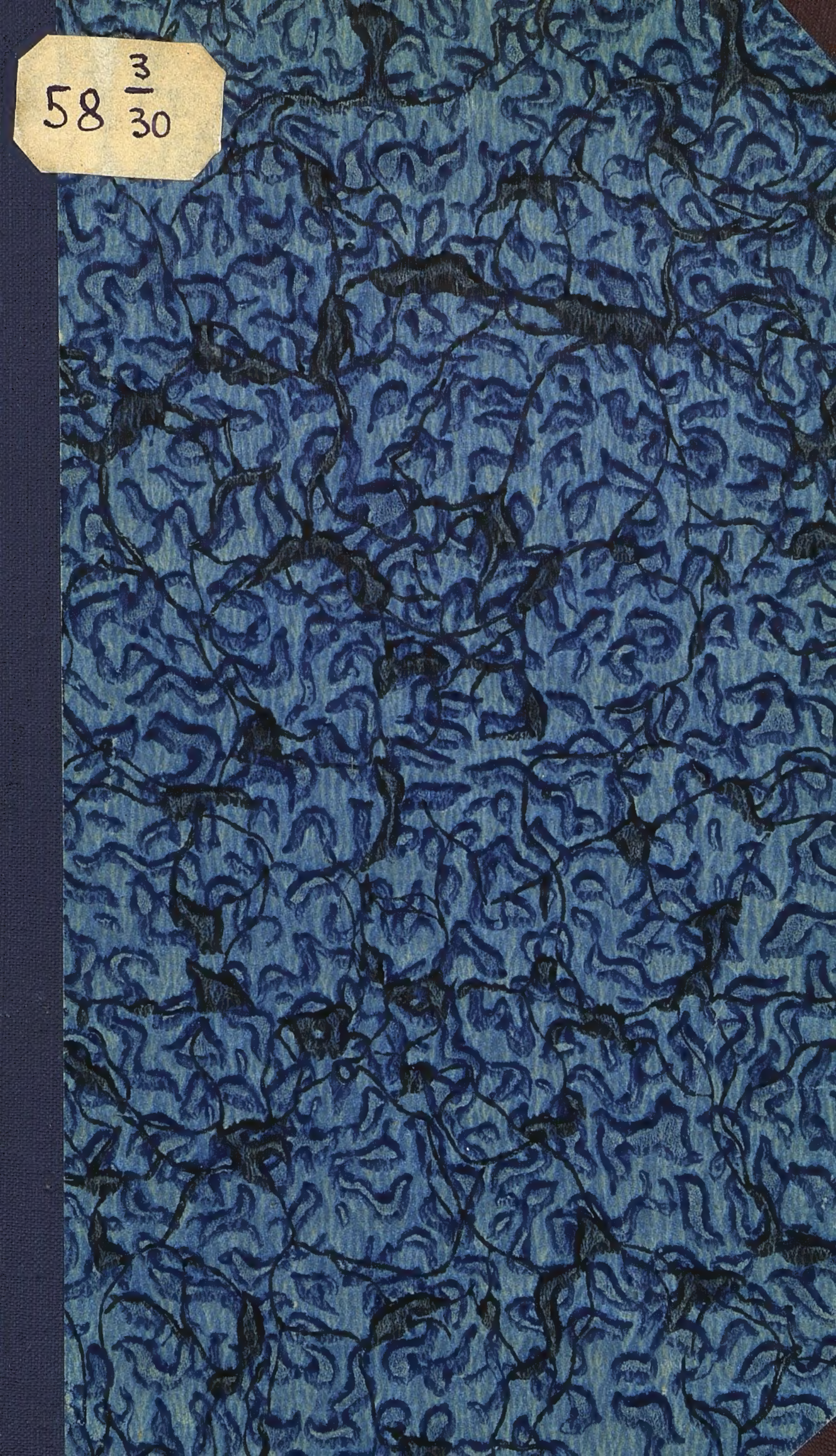

58 3/30

К. В. ХАРЛАМПОВИЧЪ

КЪ ВОПРОСУ
О ПРОСВѢЩЕНІИ НА РУСИ
ВЪ ДОМОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ.

ЛЬВОВЪ.
Изданіе „Галицко-русской Матицы“.
„Удѣловая типографія“ во Львовѣ, ул. Линде, нр. 8.
1902.

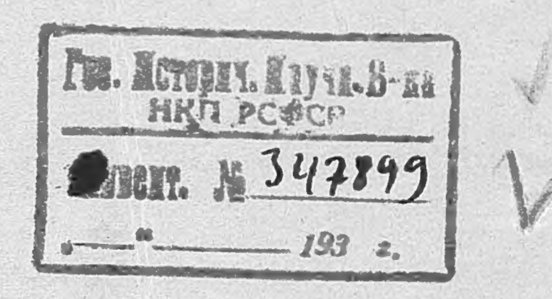
К. В. ХАРЛАМПОВИЧЪ

КЪ ВОПРОСУ
О ПРОСВѢЩЕНІИ НА РУСИ
ВЪ ДОМОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ.

ЛЬВОВЪ.
Изданіе „Галицко-русской Матицы".
„Удѣловая типографія" во Львовѣ, ул. Линде, нр. 8.
1902.

Оттискъ изъ IV-ой книги „Научно-литературнаго Сборника"
Галицко-русской Матицы за 1901 г.

Къ вопросу

О ПРОСВѢЩЕНІИ НА РУСИ ВЪ ДОМОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ.

(По поводу взглядовъ В. Н. Татищева и Е. Е. Голубинскаго.)

Недавно вышедшее второе изданіе 1-ой половины І-аго тома „Исторіи русской церкви“ Е. Е. Голубинскаго [1]) даетъ поводъ вновь коснуться не новаго вопроса о просвѣщеніи на Руси въ домонгольскій періодъ и объ отношеніи къ нему Татищева и самого Голубинскаго. Кромѣ своей объективной важности, вопросъ этотъ интересенъ и потому, что оба историка держатся діаметрально противоположныхъ взглядовъ на древнюю нашу образованность и что второй изъ нихъ въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ Татищеву и его сообщеніямъ составляетъ среди русскихъ историковъ нашего времени чуть-ли не единственное исключеніе.

В. Н. Татищевъ (р. 1686 † 1750) — современникъ Петра Великаго и одинъ изъ даровитѣйшихъ „птенцовъ гнѣзда Петрова“. По своему уму и разносторонней дѣятельности онъ смѣло можетъ быть поставленъ рядомъ съ самимъ геніальнымъ царемъ. Онъ трудился и извѣстенъ какъ математикъ, естествоиспытатель, географъ, этнографъ, историкъ, археологъ, юристъ, лингвистъ, политикъ и публицистъ, даже горный инженеръ и администраторъ. Будучи выдвинутъ реформаціонной

[1]) Періодъ первый, кіевскій или домонгольскій. Москва, 1901.

эпохой, эпохѣ же онъ отдалъ дань нѣкоторыми своими нравственными недостатками — самодурствомъ и лихоимствомъ, за что и попадалъ весьма часто подъ слѣдствіе и судъ и даже умеръ подъ домашнимъ арестомъ. Ученая репутація Татищева еще болѣе запятнана, чѣмъ служебная[2]... Дѣло въ томъ, что его „Исторія Россійская“[3]) заключаетъ въ себѣ много извѣстій, не имѣющихся въ сохранившихся доселѣ спискахъ лѣтописей. Значительная доля этихъ извѣстій приходится на такъ называемую Іоакимовскую лѣтопись, использованную Татищевымъ и затѣмъ навсегда исчезнувшую... Вотъ эти то извѣстія и подверглись сильному сомнѣнію. Уже Шлецеръ, скоро послѣ изданія „Исторіи“ Татищева, обвинилъ ея автора чуть-ли не въ ученомъ подлогѣ Іоакимовской лѣтописи и заподозрилъ многія мѣста „Исторіи“ въ достовѣрности. Послѣ Шлецера Карамзинъ, признавъ важными многія фактическія дополненія Татищева, отвергъ самое существованіе Іоакимовской лѣтописи и назвалъ шуткой разсказъ Татищева о полученіи имъ ея отъ архим. Мельхиседека. Но еще до Карамзина Миллеръ (издатель „Исторіи“) и Болтинъ, а послѣ нихъ митр. Евгеній, Бутковъ,

---

[2]) См. „Русская Старина“, 1887, II, 564—566.

[3]) „Исторія россійская, чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная“, была издана послѣ смерти Татищева: три первыя книги въ 1764—1774 гг., четвертая въ 1784 г. и пятая — уже М. П. Погодинымъ. — Въ этихъ книгахъ сдѣланъ сводъ лѣтописныхъ данныхъ и выписокъ изъ иностранныхъ писателей съ 860 г. до царя Ѳедора Ивановича. Остались въ рукописи записки Татищева о времени отъ Ѳедора до Алексѣя Михайловича включительно. Изъ прочихъ сочиненій Татищева напечатаны: 1) „Духовная“ (1773; 1885 — въ IV томѣ „Извѣстій казанскаго общества исторіи, археологіи и этнографіи“; 1896 — въ XXII вып. „Русской классной библіотеки“); 2) „Увѣщаніе умирающаго отца къ сыну“ — въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1886, апр., и въ XXII вып. „Рус. клас. библіотеки“; 3) „Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ науки и училищъ“ — въ „Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн. росс.“, 1887, I; 4 и 5) „Предложеніе о сочиненіи исторіи и географіи россійской“ и „Разсужденіе о ревизіи поголовной (1742 г.)“ — въ книгѣ А. Н. Попова „Татищевъ и его время“ (1861, Москва), прилож. нр. 13 и 16; 6) „Напомнѣніе на присланное росписаніе высокихъ и нижнихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ“ — въ сборникѣ Погодина „Утро“ (1859); 7) Татищеву же принадлежитъ „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ“ (1730), поданное Верховному Тайному Совѣту при воцареніи Анны Іоанновны (изд. въ „Утрѣ“ же).

Погодинъ, Соловьевъ, митр. Макарій, Н. А. и П. А. Лавровскіе, Н. А. Поповъ, А. А. Куникъ, П. П. Пекарскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, И. Линниченко, Д. А. Корсаковъ и др. пришли къ убѣжденію, что и характеръ и цѣли работы Татищева, и подтвержденіе его данныхъ извѣстіями, находимыми какъ въ русскихъ лѣтописныхъ сборникахъ, такъ и въ иностранныхъ источникахъ, и, наконецъ, самая личность Татищева, — что все это обѣляетъ его отъ обвиненій въ обманѣ или ученой недобросовѣстности [4]). Обвиненіе же это, со всею рѣшительностью высказанное Е. Е. Голубинскимъ въ его „Исторіи рус. церкви" (т. I, 1880 г.) и въ актовой рѣчи въ московской дух. академіи въ 1881 г. [5]), повторено и въ новомъ изданіи „Исторіи", причемъ историкъ не только не ослабляетъ его, но и усиливаетъ, подвергши критикѣ еще нѣсколько татищевскихъ „свидѣтельствъ" объ училищахъ и просвѣщеніи въ домонгольскій періодъ и проходя мимо тѣхъ аргументовъ и доказательствъ правдивости Татищева, какіе были высказаны послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія „Исторіи" [6]).

Для того, чтобы понять отношеніе Голубинскаго къ Татищеву въ сферѣ интересующаго насъ вопроса, сопоставимъ прежде всего взгляды на него обоихъ историковъ.

По вопросу о школахъ и просвѣщеніи въ домонгольскій періодъ Татищевъ даетъ цѣлый рядъ такихъ извѣстій, что, принимая ихъ, приходится строить убѣжденіе не только о широкомъ распространеніи грамотности въ домонгольскій періодъ, но и о развитіи средняго образованія, между прочимъ спеціальнаго, духовнаго, а также о классическомъ характерѣ по-

---

[4]) Д. Корсаковъ: В. Н. Татищевъ („Рус. Стар.", 1887, II); Іос. Сенитовъ: Историко-критическія изслѣдованія о новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи В. Н. Татищева („Чтенія въ Моск. общ. ист. и др. росс.", 1887, IV).

[5]) Прибавленія къ Твореніямъ св. отцевъ, 1881, ч. 28. Есть и отдѣльные оттиски.

[6]) Кстати замѣтимъ, что мы видимъ недостатокъ 2-го изданія „Исторіи" Голубинскаго въ игнорированіи многихъ возраженій, какія были сдѣланы ему по поводу перваго изданія, и на докторскомъ диспутѣ, и въ рецензіяхъ на книгу. Въ числѣ ихъ были вполнѣ серьезныя, заслуживавшія вниманія... Затѣмъ, при просмотрѣ 2-го изданія кажется иногда, что авторъ не слѣдилъ акуратно за тѣмъ, что писалось послѣ 1880 г. по вопросамъ, составляющимъ содержаніе его книги.

слѣдняго [7]). Такого убѣжденія и держатся или должны держаться тѣ историки, которые хотятъ довѣрять Татищеву.

Противоположное этому мнѣніе г. Голубинскаго сводится къ слѣдующимъ положеніямъ [8]). У насъ на Руси была сдѣлана попытка ввести настоящее, греческое просвѣщеніе Владиміромъ св., но она успѣха не имѣла, между прочимъ, вслѣдствіе частной, по домамъ учителей, формы обученія. Періодъ истиннаго просвѣщенія продолжался очень недолго, такъ что едва-ли прошли полный курсъ ученія всѣ боярскія дѣти, отданныя Владиміромъ въ науку учителямъ-грекамъ. Послѣ того не дѣлалось болѣе никакихъ попытокъ, и русскіе остались безъ просвѣщенія, при одной грамотности, при одномъ умѣніи читать. „Грамотность, а не просвѣщеніе — въ этихъ словахъ вся наша исторія огромнаго періода, обнимающаго время отъ Владиміра до Петра Великаго"... Но и грамотность въ періодъ домонгольскій была болѣе или менѣе распространена только между богатыми людьми и горожанами (такъ какъ только они имѣли возможность пользоваться книгами, — собственными или чужими, — при страшной дороговизнѣ ихъ). „Что касается до жителей селъ, то о нихъ нужно думать за періодъ домонгольскій такъ, что они оставались еще совершенно безграмотными или что грамотность была между ними не болѣе какъ чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ".

Ясно отсюда отрицательное отношеніе Голубинскаго къ показаніямъ Татищева о домонгольскомъ просвѣщеніи, не подтверждаемымъ сохранившимися списками лѣтописей. Голубинскій заявляетъ, что Татищевъ свои данныя просто „сочиняетъ,

---

[7]) Вотъ что пишетъ Татищевъ въ одной изъ записокъ о разныхъ исправленіяхъ въ Россіи: „въ Руссіи науки не токмо читать и писать, но языковъ, — греческаго отъ самаго пріятія вѣры Христовой, а потомъ и латинскій языкъ, введены, и многія училища устроены были; но нашествіемъ Татаръ, какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возросла, тогда симъ для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти полезнѣе явилося народъ въ темнотѣ невѣденія и суевѣрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и церквахъ пресѣкли и оставили"... (Сборникъ „Утро", 1859). Въ „Исторіи" Татищевъ заявляетъ, что на Руси въ домонгольскій періодъ были многіе философы (I, 575).

[8]) См. IV главу I тома и приложеніе къ ней: „Татищевъ объ училищахъ и просвѣщеніи у насъ въ періодъ домонгольскій".

понимая и коментируя по своему свидѣтельства всѣмъ извѣстныя, выдавая за прямые положительные факты только свои предположенія, прямо читая въ свидѣтельствахъ то, что онъ только желалъ бы видѣть въ нихъ написаннымъ, и при всемъ томъ поступая не съ какою-нибудь возмутительною недобросовѣстностію, а просто по обычаю большинства историковъ стараго времени, совсѣмъ не оставленному нашими историками даже и въ настоящее время“ [9]). Анализъ татищевскихъ свидѣтельствъ о школьномъ просвѣщеніи на Руси доомонгольскаго періода приводитъ критика къ такому объясненію происхожденія ихъ: „Родившись въ старой допетровской Руси (1686) и перешедъ въ новую Русь съ самимъ Петромъ, Татищевъ (талантливѣйшій и замѣчательнѣйшій самоучка) представлялъ изъ себя самаго горячаго защитника новаго свѣта противъ старой тьмы, просвѣщенія противъ невѣжества. Въ этой борьбѣ съ невѣжествомъ за просвѣщеніе онъ хочетъ сдѣлать и имѣть нашу исторію своей помощницей. По качествамъ и складу своего ума наклонный къ свободѣ мышленія, воспитавшій и самообразовавшій себя по тѣмъ вольнодумнымъ книгамъ своего времени, которыя всю тьму и все зло въ мірѣ приписываютъ властолюбивому и своекорыстному духовенству (преимущественно, какъ должно полагать, по лексикону Байлеву — P. Bayle, Dictionnaire historique et critique), Татищевъ представляетъ дѣло о просвѣщеніи въ нашей исторіи, въ назиданіе, т. е. въ обличеніе и посрамленіе людей, стоявшихъ за допетровское невѣжество, такимъ образомъ: въ періодъ домонгольскій князья наши усердно заботились о поддержаніи у насъ просвѣщенія и училищъ, причемъ заставляли помогать себѣ духовенство и пользовались имъ, какъ орудіемъ; „но нашествіемъ Татаръ, какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возросла, тогда имъ (духовнымъ) для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти полезнѣе

---

[9]) См. приложеніе къ IV главѣ. Въ другомъ мѣстѣ Голубинскій говоритъ: „Составитель Степенной книги... позволялъ себѣ... свои простыя предположенія выдавать за положительные факты (послѣ такъ дѣлалъ у насъ Татищевъ)“. Еще въ одномъ мѣстѣ Голубинскій, признавая Татищева „человѣкомъ собственно весьма почтеннымъ и историкомъ не только весьма, но и замѣчательно талантливымъ“, замѣчаетъ, что онъ „имѣлъ дурной обычай писать русскую исторію, какъ представлялъ ее самъ... какъ, впрочемъ, дѣлали всѣ его современники“.

явилось народъ въ темнотѣ невѣденія и суевѣрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили"...

Переходимъ къ сдѣланному Голубинскимъ анализу тѣхъ частныхъ извѣстій Татищева, сочиненность которыхъ наиболѣе очевидна.

Уже возбуждаютъ сомнѣніе „свидѣтельства" Татищева о князьяхъ Всеволодѣ Ярославичѣ (†1093) и Ярославѣ Осмомыслѣ Галичскомъ (†1188), поддерживавшихъ училища при церквахъ и монастыряхъ [10]); хотя сами по себѣ они правдоподобны, но не находятъ подтвержденія въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописей. Впрочемъ, они не совсѣмъ измышлены, а составляютъ только распространеніе и передѣлку лѣтописныхъ свидѣтельствъ, въ родѣ замѣны выраженія „рѣчистъ языкомъ" другимъ: „наученъ былъ языкамъ". Таково же по характеру „свидѣтельство" татищевскаго свода объ Янкѣ Всеволодовнѣ, что она, собравши въ Андреевскомъ монастырѣ „младыхъ дѣвицъ, нѣколико обучала ихъ писанію, такожъ ремесламъ, пѣнію, швенію и инымъ полезнымъ ихъ знаніямъ, да отъ юности навыкнутъ разумѣти законъ божій и трудолюбіе, а любострастіе въ юности воздержаніемъ умертвятъ" (II, 138); въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1086 г. читаемъ только, что Янка, „совокупивши черноризицы многи, пребываше съ ними по монастырьскому чину". Изъ содержанія сообщенія Татищева и сопоставленія его съ примѣчаніемъ 355 (II, 457): „достойна (сія) Анна великая или достохвальная именована быть, и дай Боже, чтобъ мы такую Анну еще имѣть могли", — видно, что историкъ хотѣлъ дать въ лицѣ Янки примѣръ монахинямъ своего времени.

Еще сомнительнѣе сообщеніе Татищева о существованіи на Волыни въ XI в. должности инспектора или наблюдателя народныхъ школъ, въ роли котораго историкъ выводитъ нѣкоего Василія, автора разсказа объ ослѣпленіи Василька Галичскаго. Въ то время, какъ всѣ извѣстные списки первоначальной лѣтописи съ этимъ разсказомъ (а ихъ болѣе 50-ти) говорятъ: „Василкови же сущю Володимери... и яко приближися постъ великій и мнѣ сущу Володимери, въ едину нощь присла по мя", — Татищевъ такъ „распространяетъ" разсказъ: „Василько со-

---

10) Ист. рос., II, 141, III, 280.

держанъ былъ во Владимирѣ... и какъ приближился постъ великій, случилося мнѣ быть тогда во Владимирѣ смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей" (II, 181). Ясно, что послѣднее присочинено.

Древняя исторія нашего просвѣщенія такъ скудна данными, что не одинъ изслѣдователь готовъ повторить за Н. А. Лавровскимъ: „Неужели должно отказаться отъ многихъ драгоцѣннѣйшихъ фактовъ для умственнаго образованія древнѣйшей Руси, сообщаемыхъ „Россійскою Исторіею" (Татищева), но, къ несчастію, не занесенныхъ въ дошедшія до насъ лѣтописи, когда и здравый смыслъ и всѣ историческія соображенія говорятъ въ пользу ихъ достовѣрности?" [11]) И если для многихъ историковъ дороги уже приведенныя „свидѣтельства" Татищева, то особенно усердно защищаются ими тѣ его извѣстія, которыя говорятъ не о начальныхъ только школахъ, а о сравнительно высшихъ — съ классическими языками, и о знакомствѣ съ послѣдними нѣкоторыхъ нашихъ князей. Таково преимущественно извѣстіе Татищева о смоленской школѣ, породившее чуть не цѣлую литературу.

По поводу смерти смоленскаго князя Романа Ростиславича († 1180) Татищевъ говоритъ, что онъ „былъ вельми ученъ всякихъ наукъ", „и къ ученью многихъ людей понуждалъ, устрояя на то училища и учителей, Грековъ и Латинистовъ, своею казною содержалъ и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ" (III, 238). Ипатская лѣтопись подъ 1180 г. ничего не говоритъ объ учености кн. Романа и его заботахъ о просвѣщеніи, и Голубинскій такъ объясняетъ сочинительство Татищева: „Лѣтопись говоритъ, что Романъ былъ „всею добродѣтелію украшенъ", а такъ какъ для Татищева первая добродѣтель была образованность, то онъ и усвояетъ ее князю. Лѣтопись говоритъ, что Романъ былъ „страха божія наполненъ, нищія милуя, монастыри набдя" а такъ какъ для Татищева набдѣніе монастырей имѣло смыслъ единственно въ томъ случаѣ, если это было для поддержанія просвѣщенія, то онъ именно такъ и представляетъ дѣло. Когда онъ совсѣмъ присочиняетъ Грековъ и Латинистовъ, то въ первомъ случаѣ, вѣроятно, имѣетъ въ виду то, что къ дѣду Романову, Мстиславу Владиміровичу, пришли въ 1137 г.

---

[11]) О древне-русскихъ училищахъ, 42—43.

четыре грека (Мануйла, пѣвецъ гораздый, самъ третій,—Ипатская лѣт. подъ симъ годомъ), а во второмъ то, что въ его собственное — Татищева время въ Смоленскѣ, городѣ пограничномъ съ Польшею и нѣкоторое время находившемся подъ властію этой послѣдней, были и дѣйствовали на поприщѣ просвѣщенія (и вмѣстѣ совращенія) латинисты въ лицѣ іезуитовъ и другихъ католическихъ монаховъ". Наконецъ, Голубинскій подозрѣваетъ, что Татищевъ сочинилъ похвалу Роману Ростиславичу, какъ своему предку...

Случилось такъ, что „смоленская школа" сдѣлалась центральнымъ пунктомъ, къ которому свелся вопросъ о просвѣщеніи въ домонгольскій періодъ и о добросовѣстности показаній о немъ Татищева. Причиной того служитъ новооткрытый памятникъ древне-русской письменности — посланіе м. Климента Смолятича къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ. Посланіе это найдено одновременно Н. К. Никольскимъ и Хр. Лопаревымъ въ 1892 г. [12]). Оба ученые нашли, что имъ вполнѣ подтверждается фактъ существованія смоленской школы.

Проф. Никольскій на основаніи знакомства съ трудами м. Климента утверждаетъ, что „наша старинная духовная словесность была богаче силами, разностороннѣе содержаніемъ и послѣдовательнѣе въ смѣнѣ своихъ направленій сравнительно съ тѣмъ, что полагали объ этомъ доселѣ. Сочиненія эти, остававшіяся до сихъ поръ малоизвѣстными и не обслѣдованными, свидѣтельствуютъ, что Климентъ, бывъ плодовитымъ писателемъ, пролагалъ путь къ тому литературному направленію, которое выразилось опредѣленно въ твореніяхъ св. Кирилла Туровскаго" (введ., стр. I; ср. стр. 224, 225). Въ посланіи м. Климента къ пресвитеру Ѳомѣ г. Никольскій находитъ, что „подлѣ двора кн. Изяслава (Мстиславича) и м. Климента группировался кружокъ книжниковъ, занимавшихся научно-литературными (философскими) вопросами. Съ пресвитеромъ Ѳомою митрополитъ велъ переписку. Посланіе перваго Климентъ читалъ предъ княземъ Изяславомъ и предъ многими послухами, которые, такимъ образомъ, слѣдили за ихъ литературными сношеніями" (стр. 83—84).

---

[12]) Издано — первымъ въ сочиненіи „**О литературныхъ трудахъ м. Климента Смолятича**, писателя XII в.", вторымъ — въ XC выпускѣ „**Памятниковъ древней письменности**".

Далѣе, професоръ Никольскій принимаетъ за несомнѣнный фактъ, что м. Климентъ писалъ свое посланіе смоленскому князю (по поводу этого-то посланія Ѳома писалъ митрополиту, который и отвѣтилъ ему разбираемымъ посланіемъ) „отъ омира, и отъ аристоля и отъ платона, иже въ еллинскихъ нырѣхъ славнѣ бѣша“, хотя и не рѣшается сказать, какъ онъ пользовался сочиненіями этихъ авторовъ: въ подлинникѣ ли, въ переводахъ, или въ извлеченіяхъ, и какое вліяніе оказали они на сочиненія митрополита (стр. 87—89).

Другой изслѣдователь, г. Лопаревъ, такъ коментируетъ упрекъ Ѳомы митрополиту, что онъ писалъ князю отъ Гомера, Аристотеля и Платона, желая прослыть философомъ, и отвѣтъ митрополита, что это неправда, будто онъ писалъ, ища людской славы, и говоритъ на основаніи этихъ авторовъ: „это замѣчаніе Климента важно въ двухъ отношеніяхъ. Слова его лишній, но весьма желанный разъ убѣждаютъ насъ, что классическая литература не была чужда и высшимъ представителямъ православной церкви... Слова Климента являются новымъ доказательствомъ и факта процвѣтанія у насъ въ XII в. греческихъ студій. Въ это время Русь уже не была варварскою страною для Византіи, она усвоила культуру послѣдней и шла рука объ руку съ греческою державою. Образованіе, и въ частности греческое, нашло у насъ благопріятную почву, пріобрѣтало себѣ усердныхъ адептовъ и воспитало рядъ видныхъ ученыхъ между іерархами и князьями. Лука Жидята, Ефремъ Переяславскій, Владиміръ Мономахъ, Всеволодъ Георгіевичъ, получили хорошую подготовку, а про Смоленскаго князя Романа Ростиславича извѣстно, что онъ устраивалъ школы, содержалъ цѣлый штатъ грековъ и латинистовъ, самъ занимался и другихъ побуждалъ къ изученію греческой литературы. Смолятичъ родомъ, Климентій могъ быть воспитанникомъ такой школы и могъ получить превосходное греческое образованіе. Природная, безъ сомнѣнія, склонность его къ умозрительному мышленію могла найти обильную для себя пищу въ произведеніяхъ греческой дохристіанской литературы; русскій митрополитъ могъ читать въ подлинникѣ или въ греческихъ же компиляціяхъ Гомера, Платона и Аристотеля, и, какъ видно, усвоивалъ себѣ отчасти ихъ міровоззрѣнія, за что и подвергался нападеніямъ со стороны консервативно-православной партіи

Смоленска въ лицѣ пресвитера Ѳомы. Этотъ послѣдній также получилъ греческое образованіе, но, повидимому, считалъ ненужнымъ знаніе языческой литературы. Во времена Климента и среди его кіевской паствы находились изумительные начетчики въ греческой письменности" (стр. 5—6). Это послѣднее утвержденіе г. Лопаревъ основываетъ на слѣдующемъ мѣстѣ посланія м. Климента: „поминаю же пакы. реченаго тобою. оучителя григорія. его же и свята реклъ не стыжюся. но не судя его хощу рещи но истиньствуя. григорей зналъ алфу, якоже и ты, и виту, подобно и всю. к҃. и д҃. (24) словесъ грамоту. а слышиши ты ю оу мене, мужи имже есмь самовидець. иже может единъ рещи алфу. не реку на сто. или двѣстѣ. или триста или д҃ ста, а виту також" [13])... Лопаревъ думаетъ также, что и учитель Ѳомы Григорій „зналъ хорошо греческій языкъ".

Но насколько увлеклись оба изслѣдователя, доказываетъ Голубинскій въ новомъ изданіи своей „Исторіи" (стр. 846—853). Нарисованную ими „великолѣпную картину состоянія у насъ просвѣщенія въ XII в." Голубинскій считаетъ „плодомъ недоразумѣнія и перетолкованія". Никакихъ особыхъ литературныхъ направленій и кружковъ ученыхъ тогда не было. Отвѣчая на укоръ Ѳомы въ философскомъ характерѣ своего посланія къ князю Ростиславу, Климентъ заявилъ, что писалъ къ князю именно, а не къ Ѳомѣ, и что къ послѣднему писать (кромѣ настоящаго раза) не намѣренъ. Послѣ этого нельзя было ожидать отъ митрополита другого посланія, и вся переписка, все умственно-литературное оживленіе свелось, вѣроятно, къ тремъ посланіямъ — Климента къ смоленскому князю и къ пресвитеру Ѳомѣ и Ѳомы къ Клименту. Неизвѣстно также, писалъ ли Климентъ еще что нибудь, но и эти два посланія, представлявшія компиляціи изъ книгъ съ аллегорическимъ истолкованіемъ свящ. писанія, могли вызвать отзывъ о немъ Ипатской лѣтописи какъ о „книжникѣ и философѣ, якова же въ русской земли не бяшеть" (подъ 1147 г.) и заявленіе Никоновской лѣтописи, что онъ „много писанія написавъ предаде", равно какъ упрекъ митрополиту Ѳомы, принявшаго за философію хитрословесіе и затѣйливость Климентовыхъ рѣчей. Думать, что Климентъ читалъ въ подлинникѣ или переводѣ сочиненія Гомера,

---

[13]) **Никольскій, стр. 126—127; ср. у Лопарева, стр. 26.**

Аристотеля и Платона — не основательно: этихъ авторовъ и не было въ древней русской письменности, и наши ученые могли ихъ знать только по именамъ, а съ другой стороны, самъ Климентъ отрицаетъ предположеніе Ѳомы о своемъ знакомствѣ съ философіей: „ты говоришь, что я пишу философіей (съ философскою хитростію), но то весьма несправедливо пишешь ты, будто я, оставивъ почитаемыя (отеческія) писанія, да писалъ отъ Омира, Аристотеля и Платона, которые были славны между еллинскими (языческими) хитрецами“ [14]). Что касается, наконецъ, процитованнаго выше мѣста, давшаго поводъ обоимъ изслѣдователямъ утверждать существованіе у насъ въ древности знатоковъ греческаго языка, то оно само по себѣ непонятно. Голубинскій предполагаетъ, что подъ способностію нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ Климента людей сказать альфу и виту не только на 100, но на 200, 300 и на 400 чего-то, митрополитъ разумѣетъ возможно полное усвоеніе нѣкоторыми, такъ сказать, курса экзерцисовъ, т. е. упражненій, азбучныхъ ли только или же азбучныхъ и грамматическихъ, причемъ въ первомъ случаѣ разумѣетъ склады, а во второмъ — знаніе словъ сомнительныхъ въ отношеніи къ произношенію или правописанію. Голубинскій говоритъ о славянской азбукѣ и грамматикѣ и выраженіе Климента о знаніи Григоріемъ и Ѳомой 24 буквъ азбуки примѣняетъ именно къ славянской азбукѣ, буквы которой, быть можетъ, носили греческія названія, въ силу перевода нашихъ азбукъ съ греческихъ учебниковъ. И все мѣсто, по Голубинскому, получаетъ такой смыслъ: „Григорія (на котораго ссылается Ѳома) я — говоритъ Климентъ — весьма почиталъ за его жизнь, но онъ зналъ грамоту не совершеннымъ образомъ, почему и тебя не могъ сдѣлать совершеннымъ грамотникомъ; а вотъ у меня здѣсь въ Кіевѣ такъ дѣйствительно есть достойные удивленія грамотники“. . . . .

Едва-ли, однако, можно удовлетвориться объясненіемъ Голубинскаго, почему Климентъ говоритъ объ алфѣ и витѣ (а не

---

[14]) „А рчеши ми: философеею пишеши, а то велми криво пишеши, а да оставль аз почитаемаа писаніа. аз писах от омира. и от аристоля. и от платона, иж во елиньскых нырѣх славнѣ бѣша“ (Никольскій, 104; Лопаревъ видить въ „нырѣхъ“ предположительно греческое *νοεροί* и переводитъ: „ученыхъ“. См. Указатель, стр. 34).

объ азъ-буки) и о 24, а не болѣе, буквахъ славянской азбуки, тѣмъ больше, что ни Ѳомѣ, ни Клименту не приходилось хвастаться другъ предъ другомъ — первому своей и Григорія грамотностію, а второму — грамотностію нѣсколькихъ окружавшихъ его лицъ, когда эта грамотность не составляла чего-либо чрезвычайнаго. Естественнѣе предположеніе, что у Климента въ посланіи къ Ѳомѣ рѣчь идетъ не о славянской азбукѣ, а о греческой и о 100—400 не славянскихъ слоговъ или словъ на алфу и виту, а греческихъ... Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что нѣсколько человѣкъ въ Россіи изучили греческій языкъ — практически ли или теоретически — по грамматикѣ: такіе люди были въ Россіи въ предшествующее этому время и въ послѣдующее, да и не могли не быть при частыхъ сношеніяхъ съ греками, вызывавшихся между прочимъ іерархической зависимостью русской церкви отъ греческой. И все таки допущеніе существованія въ XII в. знатоковъ греческаго языка не даетъ еще основаній поддерживать и подтверждать свидѣтельство татищевскаго свода объ учителяхъ грекахъ и латинистахъ въ смоленскихъ училищахъ при кн. Романѣ Ростиславичѣ, какъ это принимаетъ г. Никольскій [15]).

Спеціальную защиту этого „свидѣтельства“ взялъ на себя смоленецъ — Л. Я. Лавровскій [16]). Защита эта строится на томъ фактѣ, что Ѳома, корреспондентъ м. Климента, жилъ при дворѣ отца Романова Ростислава Мстиславича. Отъ этого ученаго священника Романъ и „могъ получить особенную любовь къ наукѣ и просвѣщенію“, почему и постарался „поддержать то просвѣщеніе, какое было и до него въ Смоленскѣ“. „Въ отношеніи учителей-грековъ для него не могло быть затрудненій, потому что таковые могли быть въ самомъ Смоленскѣ или же добыты изъ Кіева, не говоря уже о томъ, что и русскіе люди, въ родѣ пресвитера Ѳомы, могли обучать греческому языку. Что же касается учителей „латинистовъ“, то этихъ если и не было налицо, то они могли явиться изъ ближайшей къ Смоленску границы, тѣмъ болѣе, что въ домонгольскій періодъ

---

[15]) „Рѣчь тонкословія греческаго“, пред. стр. III. („Памятники древн. письменности“, CXIV, 1896).

[16]) Посланіе м. Климента Смолятича къ Ѳомѣ, пресвитеру смоленскому, какъ историко-литературный памятникъ XII в. Смоленскъ, 1894.

русскіе не были изолированы отъ западной Европы, а г. Голубинскій предполагаетъ возможность сношеній даже съ Италіей. Въ виду оживленныхъ торговыхъ сношеній Смоленска съ ганзейскимъ союзомъ, Романъ Ростиславичъ, добивая себѣ учителей-латинистовъ, могъ даже имѣть въ виду практическую цѣль — — образовать изъ русскихъ людей необходимыхъ для торговыхъ сношеній переводчиковъ. Естественно также, что эти учители латинисты годны были и для образованія всѣхъ другихъ лицъ, желающихъ у нихъ научиться чему-нибудь большему, чѣмъ простая грамотность. Романъ не желалъ видѣть у себя въ Смоленскѣ неученыхъ священниковъ, и это весьма понятно въ виду того, что и при отцѣ его въ Смоленскѣ были уже очень образованные священники. Содержа нарочитыхъ учителей-грековъ и латинистовъ, онъ, весьма вѣроятно, желалъ приготовить при помощи содержимыхъ имъ учителей такой контингентъ городскаго духовенства, которое способно было бы не только обучать народъ грамотѣ, но главнымъ образомъ быть истинными пастырями словеснаго стада, овцы котораго различны по своему положенію и нуждаются въ разнообразныхъ средствахъ воздѣйствія на нихъ“ (стр. 56—65).

Статьи г. Лавровскаго проф. Голубинскій, повидимому, не знаетъ и ему не отвѣчаетъ. Беремъ на себя этотъ отвѣтъ и предлагаемъ еще нѣсколько соображеній въ опровержение извѣстія Татищева.

Удивляемся прежде всего, что и А. Н. Пыпинъ не усомнился приписать кн. Роману, котораго онъ называетъ по ошибкѣ Мстиславичемъ и внукомъ Мономаха[17], основаніе въ Смоленскѣ училища, „въ которомъ, по преданію, учили не только по-славянски, но по-гречески и по-латыни“, и отнести къ числу „лѣтописныхъ показаній о существованіи училищъ“ въ домонгольскій періодъ „татищевскія свидѣтельства“[18]. Между тѣмъ, казалось бы, кто принимаетъ всецѣло положенія Голубинскаго о состояніи просвѣщенія въ домонгольскую эпоху (какъ это дѣлаетъ г. Пыпинъ, тамъ-же, стр. 73—84), тотъ не долженъ довѣрять Татищеву. И, наоборотъ, принимая татищев-

---

[17]) Романъ — сынъ Ростислава, внукъ Мстислава и правнукъ Владиміра Мономаха.

[18]) Исторія русской литературы, I, 279—280, 329—330.

скія данныя, необходимо признать, что научное просвѣщеніе существовало и цвѣло на Руси не только при Владимірѣ св. и, быть можетъ, Ярославѣ, но и въ XII в. И въ самомъ дѣлѣ, „греки и латинисты“, будто бы содержавшіеся кн. Романомъ Ростиславичемъ для приготовленія „ученыхъ“ священниковъ, должны были быть представителями той образованности, которая тогда существовала въ Греціи и въ западной Европѣ. Въ програму смоленской духовной семинаріи XII в. должны были входить грамматика греческаго и латинскаго языковъ, риторика, діалектита и другія части классической системы семи свободныхъ искуствъ, а также богословіе, въ греческой его постановкѣ, а, можетъ быть, и съ оттѣнкомъ западнаго схоластицизма. Но, во 1-хъ, все это не согласуется ни съ состояніемъ тогдашней русской литературы, ни съ умолчаніемъ историческихъ памятниковъ. Проф. Пономаревъ, склонный признавать въ сильной степени вліяніе греческой образованности XII в. на русскую, назвавши „длинный рядъ извѣстнѣйшихъ византійскихъ писателей и ученыхъ, въ разныхъ областяхъ знанія,“ спрашиваетъ: „неужели же все это знаніе и просвѣщеніе и этотъ рядъ блестящихъ византійскихъ писателей и учителей XI—XII вв. такъ и оставались совершенно чуждыми всякаго вліянія на наше умственное и литературное просвѣщеніе, въ то время, когда мы вступили въ столь близкое и непосредственное сношеніе и общеніе съ Византіей? Неужели Византія и за это время изъ богатыхъ запасовъ своихъ знаній и мысли могла передать намъ только то, какъ полагаютъ нѣкоторые, что сохранили наши сборники, извѣстные подъ названіемъ „Пчелъ“ и т. п., и лишь при посредствѣ такихъ сборниковъ и переводовъ твореній святоотеческихъ наши писатели получали свои знанія и общее литературное образованіе? Мы не вѣримъ тому, хотя и не имѣемъ возможности утверждать что-либо положительное, за отсутствіемъ документальныхъ доказательствъ“ [19]). Но отсутствію положительныхъ доказательствъ сильнаго вліянія греческой образованности на русскую въ XII в. приходилось бы дивиться еще больше, если бы у насъ на Руси дѣй-

---

[19]) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы, Спб. 1894, I, 94.

ствительно существовали такіе разсадники греческой науки, какъ татищевская школа въ Смоленскѣ...

Во 2-хъ, извѣстно, что перешедшіе отъ грековъ къ намъ взгляды и антипатіи къ латинскому западу совсѣмъ не располагали насъ искать тамъ науки. Это вѣрно, что до нашествія монголовъ Русь была широко открыта для западныхъ культурныхъ вліяній, даже въ такой области, какъ церковная архитектура и скульптурная орнаментика [20]). Даже въ установленіи новаго праздника (въ память перенесенія мощей св. Николая въ Баръ-градъ) русская церковь примкнула къ римской [21]). Но въ области собственно вѣроученія отношенія къ западу сложились нѣсколько иначе. Подъ вліяніемъ стремленія греческаго духовенства оградить новообращенную Русь отъ притязаній папства, уже при самомъ возникновеніи у насъ письменности появляются полемическія статьи и сочиненія противъ латинянъ. Подобное отношеніе проявляется уже на первыхъ страницахъ лѣтописи въ разсказѣ о выборѣ Владиміромъ вѣры, въ поученіи ему послѣ крещенія: „не преимай же ученья отъ латынѣ, ихже ученье развращенно", и въ краткомъ полемическомъ трактатѣ противъ латины, вѣроятно, взятомъ лѣтописцемъ изъ болѣе ранняго письменнаго источника [22]). Въ виду этого трудно представить себѣ, чтобы въ вѣкъ, когда даже бѣсы являлись въ видѣ ляха (какъ Матвѣю прозорливцу), [23]) православный князь рѣшился предоставить образованіе кандидатовъ священства тѣмъ самымъ людямъ, которыхъ русскіе ставили чуть-ли

---

[20]) Ср. нѣкоторые храмы суздальскаго княжества, построенные въ XII в., корсунскія врата въ Новгородѣ, съ латинскими надписями, XII в., наконецъ, нѣкоторыя богослужебныя принадлежности западнаго происхожденія въ новгородскомъ антоніевскомъ монастырѣ, давшія основаніе позднѣйшей легендѣ о прибытіи основателя этого монастыря, преп. Антонія, съ Запада (изъ Рима.)—Римляниномъ же (т. е. иноземцемъ и католикомъ) называетъ своего героя одна изъ редакцій смоленской легенды о св. Меркуріи, являющемся представителемъ западнаго просвѣщенія.

[21]) Въ католической церкви перенесеніе мощей свят. Николая праздновалось не повсемѣстно, а только въ одномъ Баръ-градѣ (Голубинскій, т. I, пол. 1, изд. 2, стр. 591). Изъ Баръ-града получено было и сказаніе о перенесеніи мощей св. Николая, какъ изъ Рима — списокъ посланія папы Льва Великаго къ патріарху цареградскому Флавіану (ibid., 859, прим. 2).

[22]) Пыпинъ, ibid., 98.

[23]) Полное собр. русскихъ лѣтописей, I, 82.

не наравнѣ съ язычниками [24]). Наконецъ, нуженъ-ли былъ латинскій языкъ нашимъ священникамъ XII вѣка? Не отражаетъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, „свидѣтельство“ Татищева о смоленской греко-латинской школѣ современной ему дѣйствительности, когда въ епархіальныхъ школахъ, а съ Анны Іоанновны и въ семинаріяхъ изучались оба классическіе языка? Самъ Татищевъ, безъ сомнѣнія, считалъ полезными оба языка. Въ своемъ „Разговорѣ двухъ пріятелей о пользѣ науки и училищъ“ онъ даетъ такой отвѣтъ на 69 вопросъ „которой языкъ нужнѣе къ наученію?“: „кто хочетъ сына своего въ духовенство привести, то необходимо нужно ему: 1) еврейскій, на которомъ Ветхій Законъ писанъ; 2) греческій, для того, что на ономъ Новый Завѣтъ, соборы первые вселенскіе и помѣстные, и всѣхъ восточной церкви, а многихъ и западныхъ учителей книги писаны; 3) латинскій языкъ, на которомъ наиболѣе нужныхъ священнику книгъ, яко риторическія, метафизическія, моральныя и ѳеологическія находятся“ [25]. При такомъ убѣжденіи Татищева въ необходимости русскому священнику знать древніе языки насъ уже не удивитъ встрѣчающееся въ томъ-же его „Разговорѣ“ сообщеніе, что первые русскіе митрополиты Михаилъ (?) и Леонтій устроили въ Кіевѣ, а первые русскіе патріархи Іовъ и Филаретъ въ Москвѣ — „школы для ученія греческаго и латинскаго языковъ... чтобы поповъ имѣть ученыхъ“... Какъ жаль, что Татищевъ постѣснился включить это извѣстіе въ свой лѣтописный сводъ! Тогда, вѣроятно, не одинъ изъ его сторонниковъ повторилъ бы въ недоумѣніи слова Голубинскаго: „какъ иногда странно мерещилось достопочтенному историку“! (Стр. 878 [26]).

---

[24]) А. Поповъ, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI — XV в.). Москва, 1875; А. Павловъ, въ 19 Отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ премій, и отдѣльно: Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. Спб., 1878.

[25]) Чтенія въ общ. ист. и древн. росс., 1887, I, 101—102.

[26]) Не ручаемся, что не нашлось бы тогда никого, кто не повѣрилъ бы и этому извѣстію Татищева. Вѣдь такъ лестно, въ самомъ дѣлѣ, думать, что Россія въ домонгольскій, по крайней мѣрѣ, періодъ была близка къ западно-европейской наукѣ. Въ виду этого не поражаетъ даже мнѣніе, связывающее основаніе Ярославомъ въ Новгородѣ школы для трехсотъ поповыхъ

Интересно сопоставить съ татищевскими извѣстіями о латинскихъ школахъ — кіевской конца X— нач. XI в. и смоленской XII в. – показанія польскихъ хронистовъ болѣе ранняго, чѣмъ татищевское, времени, имѣвшихъ, слѣдовательно, подъ руками болѣе древнія рукописи, чѣмъ дошедшія до насъ. Не подтверждая этихъ извѣстій, польскіе лѣтописцы говорятъ только, что Владиміръ св. отдавалъ дѣтей учиться греческой грамотѣ. А ужь, конечно, они не опустили бы отмѣтить изученіе въ русскихъ школахъ латинскаго языка, какъ доказательство вліянія польской культуры. Меховита пишетъ о св. Владимірѣ: applicuit insuper pueros litteris graecis, artifices ex Graecia conductos locavit et salariavit". Почти то-же сообщаетъ и Стрыйковскій: »i dal (Wolodimirz) wszystkich przerzeczonych synów swoich i przy nich kilkoset synów bojarskich pisma greckiego i hlaholskiego (którego dziś Ruś używa) uczyć, przełożywszy nad nimi diaki i młodzience ćwiczone« [27]).

Но если въ Смоленскѣ XII в., по близости (сравнительной) къ польской границѣ и къ балтійскому побережью, можно было найти латинистовъ, то какъ очутились въ суздальской области ученые католическіе богословы, съ которыми бесѣдовали, по Татищеву, сыновья Юрія Долгорукаго Святославъ и Михалко? Именно о первомъ Татищевъ пишетъ: „сей князь былъ вельми благоразуменъ, ученъ писанію, и много книги читалъ и людей ученыхъ, приходящихъ отъ Грековъ и Латинъ милостиво принимая, съ ними почасту бесѣдовалъ и состязанія имѣлъ" (III, 196), а о второмъ сообщаетъ: „вельми изученъ былъ писанію, съ греки и латины говорилъ ихъ языки, яко Русскимъ, но о вѣрѣ никогда пренія имѣть не хотѣлъ и не любилъ, поставляя, что всѣ пренія отъ гордости или невѣжества духовныхъ происходятъ, а Законъ Божій всѣмъ единъ есть" (III, 220). Оказывается, что въ лѣтописи нѣтъ никакого основанія для такихъ отзывовъ Татищева объ этихъ князьяхъ. О Святославѣ Юрьевичѣ, по поводу его смерти въ 1174 г., Лаврентьевская

и крестьянскихъ дѣтей (1030) со взятіемъ имъ польскаго города Бельза. Ярославъ, говоритъ Григорьевъ, „желалъ пересадить на русскую почву и, разумѣется, на русскій ладъ, плоды просвѣщенія Польши, развитой въ то время болѣе, нежели Русь". (Миропольскій, Очеркъ исторіи церковно-приходской школы, I, 16).

[27]) М. Макарій, Ист. р. церкви, т. I, прим. 201, 209.

и Ипатская лѣтописи говорятъ только, что „сей князь избранникъ божій бѣ: отъ рожества и до свершенья мужьства бысть ему болѣзнь злая, ея-же просяхуть на ся святіи апостоли и святіи отци у Бога; кто бо постражеть болѣзнію тою, якоже книги глаголютъ, тѣло его мучится, а душа его спасается; такоже и тъ воистину святый Святославъ, Божій угодникъ, избранный во всѣхъ князѣхъ; не да ему Богъ княжити на земли и да ему царство небесное“ [28]). Можетъ быть, догадывается Голубинскій, Татищевъ усвояетъ князю ученость „съ того повода, что онъ очень похваляется лѣтописцемъ („избранный во всѣхъ князѣхъ“: какъ же не быть ему ученымъ?)“. Но только Татищевъ совершилъ здѣсь такую передержку, которая выдаетъ его съ поличнымъ. Въ то время, какъ лѣтописи говорятъ, что Святославъ былъ боленъ съ самаго рожденія, Татищевъ заявляетъ, что онъ „отъ младенчества и до совершеннаго возраста былъ здравъ и въ самыхъ его лучшихъ лѣтахъ приключилася ему тяжкая болѣзнь, которою мученъ много лѣтъ и скончался“. И эта передѣлка не безъ смысла: это понадобилось Татищеву, „чтобы дать ему (князю) время сдѣлаться ученымъ писанію и начитаться въ книгахъ“. По поводу же „свидѣтельства“ Татищева о в. кн. Михаилѣ Юрьевичѣ Голубинскій дѣлаетъ только замѣчаніе: „конечно, уже никто не рѣшится спорить противъ совершенной очевидности того, что это говоритъ не лѣтописецъ какой-нибудь и вообще не древній кто-нибудь, а самъ Татищевъ, проповѣдывавшій вѣротерпимость вслѣдъ за западными своими учителями (въ частности за Бэлемъ, который былъ горячимъ ея проповѣдникомъ)“.

Дискредитированный своими „латинистами“, Татищевъ не внушаетъ намъ довѣрія и тамъ, гдѣ онъ говоритъ только о грекахъ и о греческихъ училищахъ — въ дополненіе къ лѣтописямъ, хотя бы сами по себѣ его извѣстія были правдоподобны. Такова его вставка въ запись новгородской второй лѣтописи подъ 1030 г.: „преставися Акимъ Новгородскій (т. е. еп. Іоакимъ), и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше“, такъ дополненную Татищевымъ: „...Ефремъ, который насъ училъ греческому языку“ (II, 105). Таково же его сообщеніе о смо-

---

[28]) Интересно, что это за болѣзнь? Мы пока не нашли указаній на это. Конечно, ихъ нужно искать въ апокрифическихъ „книгахъ“?

ленскомъ князѣ Святославѣ Ростиславичѣ, что онъ „ученъ былъ греческаго языка“ (III, 177). Таково же, уже менѣе вѣроятное или даже совсѣмъ невѣроятное, „свидѣтельство“ Татищева о ростовскомъ князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ (подъ 1218 г.): „Великій былъ охотникъ къ читанію книгъ, пишетъ о немъ Татищевъ, и наученъ былъ многимъ наукамъ; того ради имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, многія древнія книги греческія цѣною высокою купилъ и велѣлъ переводить на русскій языкъ, многія дѣла древнихъ князей собралъ и самъ писалъ, такожъ и другіе съ нимъ трудилися; онъ имѣлъ однихъ греческихъ книгъ болѣе 1000, которыя частію покупалъ, частію патріархи, вѣдая его любомудріе, въ даръ присылали“. Эта библіотека, собранная Константиномъ „мудрымъ“, сгорѣла 11 мая 1227 г. вмѣстѣ съ дворцомъ князя и Михайловской придворной церковію, „при нейже трудилися иноки Русскіе и Греки, учаще младенцевъ“ (III, 415—416, 446). „Не можетъ подлежать сомнѣнію“, заявляетъ по поводу этого извѣстія Голубинскій, что все это Татищевъ „сочинилъ отчасти на основаніи Лаврентьевской лѣтописи, отчасти же вѣроятно ни на какомъ основаніи, а просто водимый своею смѣлостью въ соображеніяхъ и предположеніяхъ (которыя предлагалъ читателю уже въ видѣ положительныхъ фактовъ). Лаврентьевская лѣтопись, чрезвычайно похваляя Константина во всѣхъ отношеніяхъ, говоритъ объ его любви къ чтенію книгъ и объ его книжной начитанности, что онъ „часто чтяше книги съ прилежаніемъ“, что онъ заповѣдывалъ и дѣтямъ своимъ „книжнаго поученія слушати“, и что, одарованный отъ Бога мудростью Соломонсвою, онъ всѣхъ умудрялъ тѣлесными и духовными бесѣдами. Эти свидѣтельства дѣйствительно даютъ право предполагать, что Константинъ обладалъ болѣе или менѣе хорошею библіотекою четіихъ книгъ: таковое предположеніе Татищевъ и дѣлаетъ, но только по своему обычаю и по своей въ данномъ случаѣ наклонности (именно — наклонности указать въ домонгольской Руси настоящимъ образомъ образованныхъ людей), превращаетъ предположеніе въ положительный фактъ, а книжную начитанность Константина понимаетъ какъ наученность многимъ наукамъ“. При такомъ своеобразно свободномъ пониманіи дѣла Татищевъ могъ найти въ лѣтописи же указаніе на греческія книги, именно въ свидѣтельствѣ ея подъ тѣмъ же

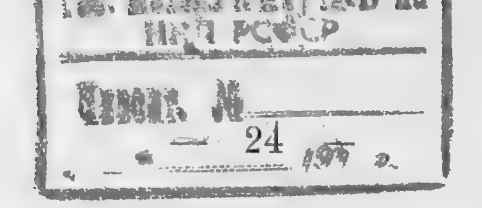
1218 г. о принесеніи изъ Царьграда в. кн. Константину полоцкимъ епископомъ „часты страстей Господнихъ“ и мощей сотника Логина и Маріи Магдалины. „Татищеву, объясняетъ Голубинскій, не особенно нужны были святыня и мощи, а нужны были книги, и вотъ, переводя любовь князя съ первыхъ на послѣднія, онъ и передаетъ сейчасъ приведенное нами извѣстіе такъ, что епископъ принесъ князю святыню и мощи, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принесъ ему „и многія книги древнихъ греческихъ учителей, вѣдая, что князь любилъ оные паче всякаго имѣнія“ (III, 410). По поводу увѣренія Татищева, будто Константинъ однихъ греческихъ книгъ имѣлъ болѣе тысячи, можно выразить только сожалѣніе, что у него дрогнула рука и что вмѣсто тысячи онъ не написалъ: десять тысячъ“... Голубинскій не рѣшается объяснять происхожденіе другихъ увѣреній Татищева — будто кн. Константинъ переводилъ греческія книги на русскій языкъ, будто многія дѣла древнихъ князей собралъ и отчасти самъ писалъ, отчасти другихъ заставлялъ трудиться, — быть можетъ они „суть плодъ какихъ нибудь недоразумѣній и свободно понятыхъ намековъ“, а можетъ быть „простое и чистое сочиненіе“. Самъ Татищевъ заявляетъ, что все написанное имъ о Константинѣ „выписано точно изъ лѣтописца Симонова“. Подъ этимъ источникомъ необходимо предполагать сочиненный Симономъ, епископомъ Владимірскимъ, „Патерикъ Печерскій съ дополненіями лѣтописнаго содержанія (которыя Татищевъ принимаетъ за принадлежащія тому же Симону, что и самый Патерикъ, т. е. часть послѣдняго)“. „Но кто, спрашиваетъ Голубинскій, будетъ имѣть охоту вѣрить ему (Татищеву), чтобы у него былъ единственный списокъ Патерика, въ которомъ будто бы читались неожиданныя извѣстія, имъ сообщаемыя“... И „во всякомъ случаѣ, самъ Татищевъ даетъ намъ право предполагать тутъ возможность недоразумѣній съ его стороны какихъ бы то ни было курьезныхъ и сколько бы то ни было неосновательныхъ. Говоря о послѣдней увѣщательной бесѣдѣ умиравшаго Константина къ дѣтямъ, Татищевъ пишетъ: „хотя слова его Симонъ записалъ, не неудобно (сомнительно), чтобы все и безпогрѣшно было, особливо въ началѣ, о суетѣ жизни говоря, примѣнялъ оную сну, якобы о будущемъ мало вѣрилъ“ (III, 514, прим. 601—602). То есть, Татищевъ находитъ, что Константина (ко-

торый, по нему самому, „въ наукѣ философіи довольно просвѣщенъ былъ“) Симонъ хотѣлъ представить человѣкомъ невѣрующимъ (философомъ XVIII в.!) Пусть прочтетъ читатель эту увѣщательную бесѣду Константина къ дѣтямъ въ той ея позднѣйшей редакціи, въ которой читалъ ее Татищевъ, въ Никоновской лѣтописи (II, 337) или въ Степенной книгѣ (I, 326), и онъ увидитъ, какъ иногда странно мерещилось достопочтенному историку!“ (876—878).

Въ заключеніе приходится спросить, такъ ли хорошо, въ самомъ дѣлѣ, реабилизована память Татищева, какъ историка, и такъ ли безспорно доказана его ученая добросовѣстность, какъ увѣряютъ его защитники. Конечно, этотъ вопросъ долженъ рѣшаться на болѣе широкой почвѣ провѣрки всѣхъ татищевскихъ данныхъ. Но если бы подтвердилась документально огромнѣйшая часть ихъ и если бы было доказано, вопреки Голубинскому, не только то, что такъ называемая Іоакимовская лѣтопись не есть личное произведеніе Татищева, но что она безспорно древняго происхожденія, Татищеву все одно не выйти обѣленнымъ изъ суда исторической критики, поставившей себѣ девизомъ: amicus Plato, sed magis amica veritas. Надъ нимъ все будетъ тяготѣть обвиненіе въ тенденціозности, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло касается исторіи и значенія просвѣщенія и участія въ немъ духовенства. Самъ Татищевъ даетъ легко замѣтить эту тенденцію, когда выставляетъ всюду руководящую роль разума, этой пружины исторіи, и въ личной, и въ церковной, и въ государственной жизни, когда вмѣняетъ правительству, какъ первую и главнѣйшую обязанность, просвѣщеніе народа, „наученіе отъ младенчества разуму“, когда настаиваетъ прежде всего на распространеніи просвѣщенія среди невѣжественнаго сельскаго духовенства [29]). Дѣло разумѣется не въ этомъ убѣжденіи, а въ томъ, что подъ вліяніемъ его Татищевъ, затушевывая просвѣтительную дѣятельность духовенства, выставляетъ обычно дѣятелями образованія князей — въ періодъ домонгольскій, а къ духовенству слѣдующаго періода предъявляетъ уже прямое обвиненіе въ поддерживаніи въ народѣ, изъ своекорыстныхъ видовъ, невѣжества и суевѣрій. Интересно, что въ

---

[29]) „Русская Старина“, 1887, II 574—575, 582, 587—588; „Русская классная библіотека“, XXII, 29: „Разговоръ о пользѣ науки и училищъ...“

тенденціозности Татищева уличаетъ и П. В. Знаменскій, котораго г. Сениговъ зачислилъ въ ряды его защитниковъ. Проф. Знаменскій, дѣйствительно, вѣритъ въ подлинность Іоакимовской лѣтописи и высоко цѣнитъ сообщаемыя Татищевымъ извѣстія изъ исторіи древне-русскаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе онъ отмѣчаетъ, что „не смотря на все обиліе этихъ извѣстій о просвѣщеніи древней Россіи, общій взглядъ Татищева на ходъ этого просвѣщенія не вѣренъ", такъ какъ историкъ глядѣлъ на сѣдую старину съ современной ему точки зрѣнія. Во времена Татищева во главѣ просвѣщенія стояло правительство, — онъ и въ домонгольской Руси главное просвѣтительное начало увидалъ въ русскихъ князьяхъ. Въ его время духовныя лица часто попадались въ рядахъ противниковъ Петровской реформы, — очевидно, заключалъ Татищевъ, оно и въ старину было главнымъ тормазомъ къ просвѣщенію страны. И если все же извѣстны пастыри просвѣщенные, то это, по мнѣнію Татищева, происходило отъ того, что духовенствомъ распоряжалось правительство, слѣдило за его усердіемъ и избирало для просвѣщенія народа лучшихъ людей изъ этого сословія. Безъ этой заботливости князей, духовенство какъ разъ могло впасть въ лѣность и суевѣріе". Подъ вліяніемъ этого взгляда Татищевъ готовъ завинить древне-русское духовенство въ обскурантизмѣ, въ борьбѣ съ свѣтомъ и образованіемъ, въ корыстномъ распространеніи суевѣрія и невѣжества. Другая тенденція Татищева— стремленіе обвинить русское духовенство въ властолюбивыхъ притязаніяхъ, конечно, отозвалась не менѣе печально, какъ на освѣщеніи историческихъ фактовъ, такъ и на окончательныхъ выводахъ историка [30]). Но для историка, какъ для всякаго ученаго, тенденціозность и предвзятость есть грѣхъ даже и тогда, когда она не сопровождается прямымъ искаженіемъ истины, такъ какъ все таки затемняетъ вопросъ и запутываетъ дальнѣйшихъ изслѣдователей въ стремленіи къ истинѣ.

К. В. Харламповичъ.

Казань, 8 ноября 1901 г.

---

[30]) П. Знаменскій, „Исторія россійсская" В. Н. Татищева въ отношеніи къ русской церковной исторіи („Труды кіев. дух. академіи", 1862, I).

